Антон Первушин

Конспирологическая утопия братьев Стругацких

Часть сборника
Настоящая фантастика -2013 (сборник)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…Братья Стругацкие знали, что им не дожить до светлого Мира Полдня. Однако стремились форсировать процесс своими текстами, потому что пришли к выстраданному выводу: другого пути, кроме как созидание свободного общества разумных ответственных людей, у человечества просто нет; сохранение архаики в той или иной форме неминуемо приведёт к глобальной катастрофе. И путь этот лежит через души детей, которых ещё не успела искорёжить, подогнав под шаблоны пресловутых традиций, наша современность…»

- Антон Первушин
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Антон Первушин
Конспирологическая утопия братьев Стругацких (Эссе о Настоящем)

Памяти Аркадия и Бориса Стругацких,

Семинара Бориса Стругацкого,

журнала «Полдень, XXI век» – посвящается.

1

Конспирология сегодня в моде. Но если присмотреться к истории, то окажется, что она была в моде всегда. Конспирологические теории, за малым исключением, основываются на вере в существование тайных движущих сил прогресса. Всегда приятнее верить, что миром правит Великая Ложа, а не Большая Лажа. Кроме того, конспирология дает простые ответы на сложные вопросы, вызывая иллюзию постижения глубоких истин, скрытых от профанов. А тут недалеко и до рефлексии «высокого посвящения» или даже «богоизбранности», которая способна перепахать любого, сколь угодно образованного, человека.

Конспирология легко вписываются в идеологию, когда та апеллирует не к разуму, а к чувствам. Например, в Третьем рейхе частью государственной идеологии была вера во всемирный «еврейский заговор». В Советском Союзе для поддержания атмосферы «осаждённой крепости» ставка делалась на зловещего «капиталистического спрута» и «всесилие» иностранных спецслужб. Что характерно, и в современной России перед выборами власти резко меняют риторику, забывая о западно ориентированной направленности своей политики и превращаясь в главного борца с силами, которые «нас злобно гнетут». Утверждению конспирологии также способствуют псевдоисторические дискуссии вокруг хитроумных измышлений ревизионистов и таких фальшивок, как «Протоколы сионских мудрецов» или «План Аллена Даллеса».

Но есть нюанс – никогда любители конспирологии не признают тайную деятельность по преобразованию мира благом. Их можно понять: если кто-то скрывает свою деятельность, значит, он, негодяй, что-то нехорошее задумал. «А иначе обязательно подписался бы как честный человек!» Даже если согласно конспирологической теории загадочные масоны (тамплиеры, розенкрейцеры, иллюминаты, алхимики, махатмы, инопланетяне – нужное подчеркнуть) декларируют своё стремление к улучшению общества и возрождению духовности, называют своими приоритетами права человека и равенство всех по факту рождения, всё равно они вызывают неприятие и яростную критику. Тайных вершителей судеб подозревают в том, что, прикрываясь благостной демагогией, они стремятся к неограниченной власти, которая позволит узким элитарным кругам решать, по каким законам жить человечеству. Дескать, мы сами с усами, имеем суверенность, традиции – разберёмся, как

нам жить. И вообще «благими намерениями вымощена дорога в ад». То, что самые открытые и демократически избранные правительства периодически прибегают к тайным операциям, сплошь и рядом нарушая законы собственной державы, в расчёт не принимается, поскольку всякий легко может представить себя на месте руководящих «сукиных сынов», признавая их право на насилие, а вот представить себя, допустим, махатмой получается с трудом. Кстати, именно теме противостояния традиционных спецслужб и могущественных тайных организаций полностью посвящены два культовых фантастических телесериала недавнего времени: «Секретные материалы» («X-Files», 1993–2002) и «За гранью» («Fringe», 2008–2013) – они же могут служить идеальной иллюстрацией к вышеизложенному.

Получается, что тайная деятельность по установлению нового мирового порядка традиционными способами в принципе не может восприниматься как созидательная, а, наоборот, только как подрывная и нацеленная на преумножение хаоса. И опыт кровавых революций XIX и XX веков, когда гонимые и глубоко законспирированные партии приходили к власти с целью реализации своих утопических воззрений, наглядно подтверждает самые худшие опасения. Но давайте представим, что нам известно будущее, что мы определённо знаем (или нам кажется, что знаем), какой вариант развития цивилизации более прогрессивен, сопряжён с меньшими потерями и принесёт в перспективе максимальные блага, даже если в какой-то период придется прибегнуть к жестоким мерам. Совсем другой коленкор, не правда ли?..

Прошлое не может противостоять будущему. Ведь по большому счёту всё, что мы делаем и ради чего живём, сосредоточено там – в завтрашнем дне, в наших детях и внуках. Они наполняют смыслом наше существование, заставляют идти вперед и при необходимости драться насмерть. И они же (вот неприятная деталь!) остаются мерой и высшим судьёй нашим поступкам. Если бы человеческая природа была устроена иначе, аргумент «будущее нас рассудит» не пользовался бы такой популярностью.

2

Тема «попаданцев» популярна в современной российской фантастике. Два десятка лет прилавки завалены книгами, рассказывающими о приключениях наших современников, которые по неведомой причине проваливаются в прошлое и, пользуясь знаниями своей эпохи, начинают исправлять исторические ошибки и таким образом дают государству, в котором оказались, стратегическое преимущество перед конкурентами. Хотя о новизне этой темы для фантастики говорить не приходится (она выглядела не слишком оригинальной даже во времена Марка Твена), «попаданческие» романы пользуются неизменным спросом. В прошлое из настоящего проваливались уже не только отдельные супермены и воинские подразделения суперменов, но и целые страны (такой неожиданный вариант описал, например, Анатолий Логинов в романе «Механическая пьеса для неоконченного пианино»). Интересно сравнить российскую фантастику с аналогичной литературой, переживавшей расцвет в Веймарской республике. И там, и здесь её подпитывала жажда реванша за поражение в глобальной войне (в нашем случае можно говорить о поражении в «холодной» войне, которая хотя и обошлась без кровавой бойни, но имела катастрофические последствия для трёх десятков государств). Только вот в немецкой фантастике преобладала вера в будущее, выраженная в образе гениального инженера, который раньше или позже даст Германии великое оружие, само наличие которого заставит пересмотреть унизительные условия Версальского договора, а в отечественной – сосредоточилась глубокая убеждённость, будто бы на всём протяжении истории Россия погрязла в ошибочных решениях, будто бы существует некий особый путь, позволяющий ей вырваться из дурной бесконечности самоедства. Очевидно, популярность «попаданческой» темы обусловлена многообразием интерпретаций собственной истории, ни одна из которых не может удовлетворить большинство: достаточно бегло ознакомиться с полемикой вокруг 1937 года и роли Сталина в тех давних событиях, чтобы понять, сколь глубока пропасть между схожими членами российского общества. А ещё возникает впечатление, что российские фантасты априори признают: у нашей страны нет позитивных вариантов будущего. Отсюда произрастает второе популярное направление – бездумная постапокалиптика, описывающая мрачные умирающие миры.

Оставим в стороне политические предпочтения авторов

многочисленных романов о «попаданцах». Будем считать, что в том случае, когда они мечтают о продлении сталинской эпохи или романовской монархии лет на двадцать-тридцать, то добросовестно заблуждаются, связывая свои чаяния со спекулятивными интерпретациями отечественной истории. То есть будем воспринимать их страстное желание изменить мир в позитивном ключе. Тогда у нас получится, что вся литература о «попаданцах» – своего рода конспирологическая утопия. Персонаж из нашего времени знает, как лучше устроить общество, каких ошибок следует избежать, что способствует прогрессу, что является приоритетным для развития. Но он не может действовать в открытую, посему обращается непосредственно к властям, давая им ключ к пониманию происходящих процессов, а зачастую и инструменты из будущего, которые следует использовать с умом. Фактически такой персонаж выступает в роли тайной силы, главной целью которой является установление нового мирового порядка. И прошлое не может противиться его выбору, каким бы странным этот выбор ни казался – ведь человеку из будущего лучше знать, он мера и судья.

К сожалению, авторы фантастики о «попаданцах» редко показывают последствия игр с историей. В лучшем случае их хватает на поверхностное утверждение, будто бы, сохранив бóльшую часть ресурсов (в первую очередь человеческих), Россия рванула бы вверх опережающими темпами и завоевала бы Солнечную систему. На кой сдались обновленной и многочисленной России мёртвые каменистые миры, обычно не уточняется – видимо, фантасты полагают, вопреки реальному опыту, что стремление к звёздам испокон века присуще нашему народу (вышеупомянутый Анатолий Логинов в своём романе выводит главным энтузиастом пилотируемой космонавтики Лаврентия Берию!). На самом деле для обоснования необходимости космической экспансии в данном случае нет особой нужды – вне зависимости от политических пристрастий все современные авторы российской фантастики утверждают «по умолчанию» одну и ту же утопию, в рамках которой такая экспансия выглядит органичным и обязательным элементом. Речь идёт, разумеется, об утопии, созданной воображением Аркадия и Бориса Стругацких.

3

В последние годы Борис Натанович Стругацкий подвергался ожесточённой критике. Будь то анонимная сетевая критика, цена которой грош в базарный день, на неё можно было бы не обращать внимания, однако шпильки в адрес БНа позволяют себе даже те, кто считается любителями и знатоками его творчества. И даже те, кто называют себя его учениками! В их неслаженном хоре слышится неприкрытая обида. По утверждению критиков, когда-то братья Стругацкие сумели пленить мечтой о великолепном будущем несколько поколений читателей, а сегодня, дескать, БНС «изменил» мечте, «предал» идеалы и полагает общество потребления идеальным вариантом будущего.

Как водится, критики подменяют авторитетное мнение собственными психологическими комплексами. Личная рефлексия застит им взгляд на реальность. Но прежде чем указать на их ошибки, поясню, о чём идет речь. Аркадий и Борис Стругацкие создали самую известную в советской фантастике утопию – Мир Полдня (Полудня). Многолетнюю популярность ей обеспечила хронологическая связность текстов: от романа «Страна багровых туч» (1959) через сборник новелл «Полдень, XXII век (Возвращение)» (1960–1963) до повести «Волны гасят ветер» (1986) можно проследить полноценную «историю будущего», включающую не только событийный ряд, но и биографии центральных персонажей. Читательский успех обеспечили великолепный литературный стиль и ключевая идея, которую можно сформулировать так: люди светлого будущего мало чем будут отличаться от наших современников – они будут умнее, добрее, интеллигентнее, ответственнее, рассудительнее, но останутся «почти такими же». Любой читатель мог соотнести себя с описываемыми персонажами и найти себе «место под солнцем» в прекрасной утопии. И соотносили. И искали. И находили. Пожалуй, это первая утопия в истории литературы, которая обходилась без дидактики и которую каждый мог примерить по себе. Стоит ли удивляться, что многие поклонники Мира Полдня начали воспринимать его не как литературный образ, а как готовую модель лучшего общественного устройства, которую можно овеществить при известном приложении сил?

Братья Стругацкие начинали придумывать Мир Полдня во второй половине 1950-х годов – в то время, когда они искренне верили, что, избавившись от сталинизма, Советский Союз сумеет стать передовой державой и построить коммунизм ещё при жизни их поколения. Посему выглядит логичным относить этот

вымышленный мир к числу коммунистических утопий. Однако позднее пришло разочарование, хорошо описанное самими Стругацкими в романе «Град обречённый» (текст романа появился в начале 1970-х, но был впервые напечатан в 1989 году). Коммунизм потерял для них былую привлекательность, что было вполне предсказуемо – советские коммунисты так и не справились ни с одной из серьезных проблем послевоенного мира, а грызня элит (осуждение Сталина, снятие Хрущёва) не способствовала укреплению надежд на скорое наступление светлого будущего в СССР. Согласно изменению взглядов стали жёстче и «полуденные» тексты братьев Стругацких. Читатель узнал о тайной стороне деятельности обитателей утопии – о прогрессорах, вмешивающихся в дела инопланетных гуманоидных рас; о Комиссии по контролю, сдерживающей развитие земной цивилизации; о люденах, потерявших всё человеческое на новом витке биологической эволюции. Среди «младших научных сотрудников», о которых и для которых писали Стругацкие, всё чаще можно было увидеть профессиональных убийц и двуличных дознавателей. Впрочем, даже такое заметное изменение фактуры не повлияло на восторженное отношение поклонников к Миру Полдня – здесь авторы потеряли контроль над интерпретациями, как часто случается с культовыми произведениями. Но возможно ли авторов за это обвинять? Ведь от искажений замысла внутри читательского восприятия не застрахован ни один писатель, даже если он бездумно строчит инструкцию к новому пылесосу.

Борис Натанович Стругацкий имел полное право заявить, что больше не разделяет ценностей персонажей текстов, написанных в молодости. Мог публично отмежеваться от коммунистической утопии. Однако, вопреки мнению обвиняющих критиков, ничего подобного он не сделал. Наоборот, до конца жизни БНС не уставал повторять, что Мир Полдня – лучший из воображаемых миров. В качестве доказательства можно привести всего лишь две короткие цитаты. Из интервью 1998 года: *«К Миру Полудня мы всегда относились как К-Миру-в-котором-Нам-Хочется-Жить. Не более, но и не менее. Было, разумеется, время – конец 50-х, – когда этот мир казался нам реально достижимым и даже – в обозримом будущем. Но это заблуждение быстро миновало. Мир этот (на наш вкус) хорош, но, скорее всего, недостижим, пока мы не научимся что-то делать с обезьяной, сидящей внутри каждого из нас»* . Из интервью 2012 года: *«Мир Полудня по-прежнему остаётся (и останется навсегда) Миром-в-Котором-я-Хотел-бы-Жить-и-Работать. Сегодня мир этот представляется недостижимым. <…> Мир, идёт совсем другой дорогой, имея*

целью создание Общества Потребления, и эта цель, похоже, совпадает с направлением пресловутой «равнодействующей миллионов воль» (о которой Лев Толстой писал ещё в позапрошлом веке)» . Как видите, отношение БНа к утопии, придуманной двумя молодыми писателями полвека назад, практически не изменилось за последние четырнадцать лет, а за это время, кстати сказать, даже высшие лица государства умудрились неоднократно пересмотреть свои мировоззренческие и политические приоритеты.

Откуда же проистекает обида на БНа, которая всё чаще перерастает в обличение «предательства» идеалов? Выскажу гипотезу. Очевидно, всем этим современным коммунистам, монархистам, националистам, реваншистам, патриотам авторитарной государственности и прочим политически озабоченным товарищам очень хотелось бы, чтобы Борис Стругацкий был с ними. И только с ними! Но он отдавал предпочтение либералам. Как тут не обидеться? Ведь даже теперь, когда цензура в художественной литературе по факту отсутствует, а за «диванную» политику не преследуют, никто так и не сумел придумать более притягательную утопию, чем Мир Полдня. Посему выходило, что БНС как один из полноправных создателей этой утопии выступает ещё и в роли её единственного живого представителя, человеком будущего, которому нельзя противостоять, потому что невозможно противостоять.

Истина в том, что мир раскрепощённого творчества, абсолютного равноправия и неукоснительного соблюдения интересов личности имеет куда больше отношения к либерально-демократической модели общественного устройства, нежели к коммунистической или какой-то другой.

4

О главной находке братьев Стругацких сам Борис Натанович писал в «Комментариях к пройденному» (1998–1999) так: *«Перед мысленным взором нашим громоздился, сверкая и переливаясь, хрустально чистый, тщательно обеззараженный и восхитительно безопасный мир, мир великолепных зданий, ласковых и мирных пейзажей, роскошных пандусов и спиральных спусков, мир невероятного благополучия и благоустроенности, уютный и грандиозный одновременно, но мир этот был пуст и неподвижен. <…> В конце концов мы поняли, кем надлежит заполнить этот сверкающий, но пустой мир: нашими же современниками, а точнее, лучшими из современников – нашими друзьями и близкими, чистыми, честными, добрыми людьми, превыше всего ценящими творческий труд и радость познания… Разумеется, мы несколько идеализировали и романтизировали своих друзей, но для такой идеализации у нас были два вполне реальных основания: во-первых, мы их любили, а во-вторых, их было, черт побери, за что любить!»*

Что и говорить, находка гениальная – только вот она очень быстро породила глубокую структурно-смысловую проблему. Младшие научные сотрудники стали старшими, и оказалось, что они вовсе не имеют иммунитета ни к «родимым пятнам» социализма, ни к «родимым пятнам» капитализма, ни – самое ужасное! – к «родимым пятнам» тоталитаризма. Даже в лучших людях современности нет-нет да и проявлялась «обезьяна», которая при всём желании не вписывалась в светлые декорации Мира Полдня. Очевидно, братья Стругацкие осознали проблему раньше других и нашли изящное решение – человека Полдня можно и нужно «воспитать». Опять процитирую Бориса Натановича и опять возьму одно из последних интервью (сентябрь 2012 года), чтобы ещё раз подчеркнуть преемственность взглядов: *«Общество, которое Вы называете коммунизмом, а мы – Миром Полудня, может возникнуть лишь при одном чрезвычайно важном условии: будет сформулирована и внедрена Высокая Система Воспитания, способная формировать Человека Воспитанного, – личность, главным наслаждением которой в жизни станет успешный творческий труд».*

Таким образом, возникновение Высокой Системы Воспитания (или Высокой Теории Воспитания) является, по мнению братьев Стругацких, обязательным условием для формирования предпосылок к овеществлению утопии. Иного варианта просто нет. Но, как отмечал БНС в другом своем интервью 2012 года: *«Следует ясно понимать, что «проекта воспитания такого*

человека» в нашем реальном мире не существует. Человек Воспитанный никому не нужен. Нет ни партии такой, ни класса, ни социальной группы вообще – всех вполне устраивает Человек Потребляющий» .

В самом Мире Полдня процесс воспроизводства «Человека Воспитанного» поставлен, что называется, на конвейер. Во-первых, с определённого возраста дети растут и обучаются в отрыве от родителей – в системе интернатов (подобно многим утопистам, братья Стругацкие полагали, что воспитанием нового человека должны заниматься исключительно профессионалы). Во-вторых, с младых ногтей ребёнок находится под пристальным наблюдением Учителя и Наставника, которые должны выявить его главные таланты и помочь взрослеющей личности раскрыть свой потенциал в полной мере. В-третьих, юному жителю утопии с самого начала навязывается жёсткая иерархия ценностей, в рамках которой пустопорожнее развлечение выглядит низменным пороком, а плодотворный труд на благо общества – высшей добродетелью.

Примечательно, что такая, вполне «макаренковская», система воспитания почти не вызывала нареканий в советские времена, поскольку более или менее соответствовала представлениям тогдашних партийных работников об идеальных вариантах обучения. Но почти сразу вызвала нарекания, когда появилась возможность публично обсуждать альтернативные педагогические методики. На уровне художественного осмысления серьёзную критику системы Стругацких можно найти в романе Сергея Лукьяненко «Звезды – холодные игрушки» (1997) и в романе Бориса Акунина «Азазель» (1998). На уровне публицистики – в эссе Елены Первушиной «Конфликт семьи и школы в утопии» (2002) и в переписке Марианны Алферовой с Борисом Стругацким «Невесёлые разговоры о невозможном» (2010), опубликованной в журнале «Полдень, XXI век».

БНС и сам понимал шаткость своих позиций по этому вопросу. Возможно, когда-нибудь Высокая Теория Воспитания и возникнет. И наверняка она будет куда сложнее литературно упрощённых схем, описанных в текстах братьев Стругацких. Но где найти предпосылки для неё в современном мире? Что станет прототипом? Размышляя об этом, Борис Натанович приходит к конспирологической утопии. «Человек Воспитанный» уже существует! Его нужно только отыскать и обеспечить ресурсами. « *Мир Полудня теоретически возможен. Люди названного типа – не есть что-то фантастическое, они жили среди нас всегда, а сегодня очень часто объединены в творческие группы, решающие серьёзные задачи, – это островки Светлого Будущего, и дело теперь за*

малым: научиться увеличивать число таких людей и число таких «островков», пока они не сольются в единый континент» .

Конспирологическую утопию как возможный путь к Миру Полдня братья Стругацкие рассматривали, начиная с повести «Гадкие лебеди» (она была завершена в 1967 году, но запрещена к публикации до 1987 года). В повести действуют «мокрецы» – мутанты из будущего, поражённые генетической болезнью. Фактически это те же прогрессоры-«попаданцы». Трагичность ситуации «мокрецов» в том, что они твёрдо знают: их мир находится на краю гибели и, чтобы спасти его, необходимо кардинально изменить историю – однако это изменение неизбежно ведёт самих «мокрецов» к исчезновению. «Будущее создаётся тобой, но не для тебя», – сказал «мокрец» Зурзмансор. В этой странной максиме содержится квинтэссенция конспирологической утопии в частности и любой прогрессорской деятельности вообще.

Впоследствии братья Стругацкие неоднократно возвращались к коллизиям столкновения будущего с настоящим. Им было ясно, что настоящее не сдастся без боя, что архаика будет неизбежно сопротивляться прогрессу. Советский Союз, в котором бойцы идеологического фронта непрерывно болтали о «самом прогрессивном обществе» и который, казалось бы, был создан для великого социального эксперимента, превратился в военно-промышленную машину, противостоящую остальному миру, а независимые республики, сформировавшиеся после его крушения, сразу погрязли в безудержном потреблении, отбросив идеалы, как старый хлам. Где найти место для ростков утопии?

Безуспешная попытка собрать «островки» будущего в «единый континент» описана в романе «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя» (1988). Действие происходит в первой половине XXI века, в центре событий – талантливый педагог Георгий Анатольевич Носов (Г.А.), который собирает в закрытом лицее одаренных подростков. Из лицея должны выйти первые Учителя и Наставники, которые и реализуют план по формированию «Человека Воспитанного». Стоит отметить, что мир, описанный в «Отягощённых злом», куда уютнее и добрее нашей современности, но даже он, по мнению Стругацких, невообразимо далёк от овеществлённой утопии. Носову приходится пожертвовать собой, «взойти на крест» (Г.А. – «Га-Ноцри», арамейская форма библейского прозвища Иисуса Христа), чтобы стать легендой в глазах соотечественников и дать таким образом толчок к переменам.

Ещё более мрачный вариант представлен в повести Бориса Стругацкого «Бессильные мира сего» (2003). Эксперименты над

людьми с целью получить технологию обеспечения физического бессмертия для товарища Сталина дали парадоксальный результат: подопытные обрели фантастические сверхспособности. Один из них, Стэн Аркадьевич Агре, получивший многозначительное прозвище «сэнсей», обладает способностью выявлять в детях скрытые таланты. Именно ему по ходу сюжета предстоит решить, кто возглавит следующее поколение: мальчик с зачатками Великого Учителя или девочка с зачатками Великого Диктатора. В принципе ясно, какой выбор он сделает, но драматизм повествования лежит в другой плоскости – сам Агре стремится быть Учителем, конструирующим будущее из настоящего, но его ученики не желают следовать замыслам «сэнсея». *«Вы сделались отвратительно самодостаточны* , – говорит Агре с горечью, – *вы не желаете летать, вас вполне устраивает прыгать выше толпы, вы ДОВОЛЬНЫ – даже самые недовольные из вас…* » Чтобы как-то «пришпорить» своих «довольных» учеников, Агре прибегает к моральному и физическому насилию. Но опять же – с плачевным результатом. Архаика упорно сопротивляется будущему.

В «Бессильных мира сего» Борис Стругацкий ещё раз обращается к идее «Человека Воспитанного» – теперь прямо, в лоб: « *Ничего не изменится, пока мы не научимся как-то поступать с этой волосатой, мрачной, наглой, ленивой, хитрой обезьяной, которая сидит внутри каждого из нас. Пока не научимся как-то воспитывать её. Или усмирять. Или хотя бы дрессировать. Или обманывать… Ведь только её передаём мы своим детям и внукам вместе с генами. Только её – и ничего кроме* ». Можно воспринимать эти слова как завещание братьев Стругацких всем нам.

Хорошо видна смысловая перекличка между «Гадкими лебедями», «Отягощёнными злом» и «Бессильными мира сего» – в настоящем нет и не будет механизмов для построения более совершенного будущего, а утопия («царствие небесное», sic!) достижима только через самоотречение, через самопожертвование, через категорический отказ от «довольства». Но так ли это?..

5

«Будущее создаётся тобой, но не для тебя».

Братья Стругацкие знали, что им не дожить до светлого Мира Полдня. Однако стремились форсировать процесс своими текстами, потому что пришли к выстраданному выводу: другого пути, кроме как созидание свободного общества разумных ответственных людей, у человечества просто нет; сохранение архаики в той или иной форме неминуемо приведёт к глобальной катастрофе. И путь этот лежит через души детей, которых ещё не успела искорёжить, подогнав под шаблоны пресловутых традиций, наша современность.

Последние тексты Бориса Натановича Стругацкого наполнены горечью поражения. Он признал, что общество потребления в любых его вариантах, вплоть до фашистских, устраивает большинство населения, и если следовать «равнодействующей миллионов воль», то утопия станет всё более зыбкой, не в силах соперничать с грубостью материального мира. Неужели нет ни малейшей надежды?

Думается, надежда есть. Не случайно в текстах Стругацких люди из будущего – фанатичные книгочеи. К примеру, «мокрецы» испытывают физические страдания, оказавшись без книг. И в этой идее содержится великая мудрость. С генами мы передаём следующим поколениям только «ленивую обезьяну», но книги (и в более широком смысле – культура) способны воспитать в обезьяне человека. Если, конечно, это умные книги…

Аркадий и Борис Стругацкие писали умные книги. Значит, Мир Полдня будет жить и после ухода братьев. Как конспирологическая утопия, как инструмент из будущего, как маяк посреди чёрной бури – пленительный, зовущий, вечный. Братья Стругацкие сделали самое главное – зажгли его, указав тем самым спасительное направление.

Остальное предстоит сделать нам.

Получится ли? Сумеем ли?..